

**РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА****SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF
HUMAN CAPITAL**

УДК: 94

DOI: 10.25629/НС.2023.02.01

**СТРУКТУРНОЕ НАСИЛИЕ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ
В ИТАЛИИ ЭПОХИ МУССОЛИНИ****Неретин А.И.**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье рассматривается проблема структурного насилия и его проявления в Италии эпохи фашизма. Дается определение структурного насилия как такового на основании работ норвежского ученого Йохана Галтунга, описываются его характеристики на основе литературы, а также объясняется разница между физическим насилием. Далее речь идет о методах и способах воздействия на народ Италии скрытого насилия, зачастую незаметного, но в то же время оказывающего непосредственное влияние на сознание итальянцев. Описываются созданные фашистским правительством организации и мероприятия, целью которых было не только внедрение в голову итальянцев фашистских принципов и ценностей, но и демонстрация достижений правительства дуче. Характеристика этих организаций и мероприятий дается на основе одной из главных газет Италии эпохи Муссолини – “Корриере делла Сера”.

Ключевые слова: структурное насилие, насилие, фашизм, тоталитаризм.

Введение в проблему

Приход фашистов во главе с Бенито Муссолини кардинально изменил историю Италии. Италия столкнулась с тоталитарным правителем, который в течение 20-ти лет пытался изменить итальянцев и привить им фашистский склад ума. Известно, что фашисты возносили насилие в качестве “достойного” способа добиться своего. Однако насилие бывает разным: прямым, когда речь идет о физическом истязании, преследовании, угрозах расправы, и структурным, когда человека ограничивают в раскрытии своего потенциала (например, евреи в Италии после расовых законов 1938 г. не могли занимать государственные должности). Однако структурное насилие фашистского режима часто остается за рамками внимания антропологов, в то время, как историческая основа событий была тщательно исследована историками как итальянскими, так и российскими [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8].

В этой статье мы постараемся разобраться в термине “структурное насилие” и продемонстрировать, как именно оно проявлялось в Италии эпохи фашизма. Для начала мы считаем необходимым понять происхождение насилия как феномена. Прежде всего, стоит сказать, что одно из принципиальных отличий человека от животного – это практика применения насилия по причинам, “выходящим за рамки непосредственных нужд пропитания и размножения, но в целях обеспечения торжества определённых отнюдь не витальных интересов” [9, с. 19]. Более того, изучаемый нами термин относится к социальным интересам индивида или группы индивидов, направляющие свою злость и агрессию на субъекта или группу субъектов, удовлетворяя, тем

самым, свои потребности [10, с. 140]. Рене Жирар полагал, что насилие “нельзя считать простым рефлексом, который прекращается, как только прекратится воздействие стимула... жажду насилия труднее успокоить, чем разжечь, особенно в обычных условиях жизни в обществе” [11, с. 8]. Любая идеология обладает своей собственной культурой и ценностями, исходя из которых тот или иной индивид определяет свое поведение: “Идеология также обладает мировоззренческим, целостным характером. Поэтому духовно-нравственные ценности и мировоззренческие основы просто обязаны стать базой развития общества и государства” [12, с. 54].

Смысл структурного насилия, скажем сразу для ясности, хотя об этом же подробнее будем говорить дальше, заключается в том, что поскольку оно включено в саму структуру социального института, то в нем невозможно обвинить конкретного субъекта, его совершающего. Платное образование, платная медицина, имущественный ценз в избирательной системе и прочее ведут к тому, что люди с низким уровнем дохода имеют меньшие возможности получить хорошее образование, качественные медицинские услуги или доступ к власти. Это связано с консолидацией факторов в социальных структурах, результатом которой становится высокая корреляция между социальным классом и бесправием. Особенность структурного насилия заключается в его относительной стабильности, встроенности в социальную структуру. Это может затруднить его распознавание, несмотря на часто серьезные последствия.

В качестве примера прямого насилия можно привести действия сквадристов (карательные отряды фашистов) по отношению к их культурным и политическим врагам – социалистам. Их расправы над последними можно расценивать как “культурную неприязнь к жертвам расправы”, то есть “по отношению к палачам они были культурно чужими” [12, с. 20]. В качестве унижения чернорубашечники заставляли своих политических оппонентов пить касторовое масло, что очень хорошо показано в фильме итальянского режиссера Федерико Феллини “Амаркорд” (0:53:41). Этот момент можно расценить как символический, как “символическая расправа, в рамках которой чем больше мучений будет причинено человеку, тем большей значимостью будет обладать сама процедура” [12, с. 20]. Такое действие было призвано унижить оппонента, лишить его субъектности, опустить до уровня человека, не способного контролировать свои физиологические функции.

Разумеется, не для теоретиков, а для практиков, деловых исполнителей – для фашистских отрядов была важна не столько смерть их врага, сколько его мучение из-за его политического и идеологического выбора. Насилие, таким образом, можно рассматривать в качестве базового элемента политического воздействия. “Как инструмент получения власти применение насилия объяснялось принципом “закона природы”, где сильные доминируют над слабыми; в обществе действует “закон джунглей”, каждый сам за себя...” [13, с. 57]. Апелляция к “закону природы” – это, разумеется, не апелляция к культуре, всегда противопоставляемой природе. Такая позиция, вопреки частым представлениям, не была популярна ни в Античности, где, несмотря на признание существования в человеческом обществе “борьбы всех против всех” (Гераклит), война понималась как агон (состязание), то есть была окультурена, ни тем более в Средневековье, где человек понимался как образ и подобие Бога. Насилие здесь воспринималось как возмездие за совершенные преступления, как элемент грехопадения. В Новое время насилие рассматривалось как “обязательный элемент социальных изменений” [13, с. 58]. Само государство расценивалось как машина насилия. Эту позицию разделяли и Муссолини, открыто говоривший о насаждении фашистской идеологии: “Весь комплекс наших повседневных привычек должен быть преобразован: наши манеры есть, одеваться, работать и спать” [8, с. 180]. Все вышеупомянутые деятели считали, что “другие пути социальных изменений являются неэффективными” [13, с. 58].

Однако здесь стоит отметить тот факт, что Муссолини, когда добрался до вершины власти в своих странах, начал насаждать идеологию, которая существенно отличалась от предыдущих: его идеи носили тоталитарный характер, который обуславливал и новую культурную (мы бы предпочли называть это определенным срезом цивилизации) парадигму. Насилие последователям фашистской идеологии было необходимо, так как человек с большим трудом отказывается от своих старых привычек и традиций и принимают новые. “К примерам такого вида

насилия можно отнести аккультурацию, ассимиляцию, насильственную христианизацию, запрет на использование родного языка и т.д.” [13, с. 58], выработку и применение репрессивных практик по отношению к своему народу и расистской практики уничтожения целых народов.

Термин “структурное насилие” был впервые применен в статье норвежского социолога Йохана Галтунга “Насилие, мир и исследование мира” [14], появившейся в 1969 году. Галтунг был одним из первых исследователей таких состояний, как мир в его противоположности насилию, понимаемый как отсутствие насилия, и как конфликт [14, с. 168]. Эта статья представляет собой теоретическое обсуждение определений и измерений терминов “мир” и “насилие” в области исследования мира. Если слово “мир” в значительной степени означает “отсутствие насилия”, то очень важно понимать грани насилия. Автор отвергает узкое представление о насилии как о преднамеренном вреде, причиненном одним индивидом (актором, как называется такой деятель в социологии) другому.

Его интересует прежде всего термин “мир” как важная часть научной стратегии” [14, с. 168]. Таким образом, область его исследований посвящена “концептуализации мира в широком, диалогическом... ключе, столь же сложном и разнообразном, как и сам мир”, т.е. он предполагает широкое обсуждение самого этого понятия, которое часто употребляется, но не часто исследуется. Здесь сразу можно вспомнить книгу Ханны Арендт “Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме” об Адольфе Эйхмане как одном из “банальных винтиков” нацистско-фашистской системы, осуществлявшем ее, бывшем одним из организаторов Холокоста, который был осужден именно за преступления против человечности [15]. Само насилие должно быть мощным и многообразным, если против него ополчается мир. Но это понятие должно быть и достаточно конкретным, чтобы служить основой для конкретных действий. Это положение очень важно для понимания содержания категории “структурного насилия”.

Галтунг в основном занят именно структурным насилием, которое появляется при создании социальными институтами условий, препятствующих людям удовлетворять свои потребности. Об этом в книге “*Vita activa, или о деятельной жизни*” писала Ханна Арендт, считая особенностью Нового времени именно “вторжение насилия в политическое действие и мышление”, вызванное искусственным или инструментальным, как она это называет, расчетом, что только сделанное или изготовленное самим человеком и распространенное им на всё (что потом было названо ролью личности в истории) обеспечит переделку мира [16, с. 302-303]. Естественно, что такой структурой предполагаются и оправдываются несправедливость и неравенство, вызывающих, если воспользоваться выражением Бибахина, “острые моменты обыденного человеческого существования” [17, с. 16], каким является, например, страх. Галтунг полагает, что человек может существовать без каких-либо принуждающих его к каким-нибудь действиям актов исключительно в мирное для себя и для своего государства время. В этом смысле понятие мира приобретает смысл и внутреннего мира индивида, границы которого могут совпадать или не совпадать с окружающими его мирами других людей, государства или даже других стран. Если же, например, страна вступает в военный конфликт или же индивид находится под чьим-либо давлением, причем давлением разного порядка: экономическим, идеологическим, личностным, то такое время уже нельзя назвать мирным: “...насилие присутствует, когда люди подвергаются влиянию, так что их действительная соматическая и ментальная реализация находится ниже их потенциальной реализации” [14, с. 166]. Очевидно, что термины “потенциальные”, “действительные действия”, обнаруживают тесную связь с политической философией Арендт, как бы внутренне отсылают к ней, подчеркивая, что его интерес – в описании не просто феномена насилия, но насилия структурного. Чтобы понять, как Галтунг определяет насилие, надо рассмотреть, что он подразумевает под термином “мир”. Он ориентируется на три определения: “1. Термин “мир” используется для обозначения социальных целей, которые поддерживаются многими людьми, не обязательно большинством. 2. Социальные цели могут быть сложными и трудными, но не невозможными для их достижения. 3. Состояние мира – это отсутствие насилия, и это остается в силе” [14, с. 167].

Создавая типологию насилия и давая ему общее определение как “причины различия между потенциальным и действительным”, он выделяет шесть различий: 1. Физическое и психологическое; 2. Негативное и позитивное (это относится к градации влияния); 3. Наличие или отсутствие вреда (имеется в виду физическое и моральное страдание); 4. Наличие или отсутствие субъекта, который причиняет насилие – тезис, который Галтунг считает наиболее важным, он разрабатывает со ссылкой на Марксову идею меновой стоимости; 5. Намеренное или ненамеренное насилие, что Й. Галтунг рассматривает при сравнении римской юриспруденции и иудео-христианской этики; 6. Очевидное или латентное насилие [14, с. 167].

Основываясь на этих измерениях насилия, идея мира расширяется за счет включения отрицательных и положительных аспектов. Негативный мир определяется как отсутствие личного насилия, а позитивный мир определяется как отсутствие структурного насилия. Эти обогащенные концепции насилия и мира углубляют понимание в исследованиях мира и миротворческих действий, давая более полную картину контекста.

Под насилием Йохан Галтунг понимает увеличение дистанции между потенциальным и действительным, а также то, что препятствует уменьшению этой дистанции [14, с. 167]. В качестве примера можно привести итальянские расовые законы 1938 года. По ним та самая дистанция между, предположим, получением высшего образования евреями и запретом на данную деятельность увеличилась, а фашистское правительство препятствовало к ее уменьшению. Й. Галтунг также рассуждает и над человеческим потенциалом: “Другими словами, когда потенциал выше, чем фактический, его (насилия. – *А.Н.*) по определению можно избежать, а если его можно избежать, то насилие присутствует” [14, с. 169]. Так, например, возможности евреев в фашистской Италии (когда мы говорим о евреях и насилием над ними в Италии эпохи Муссолини, мы имеем в виду исключительно период с 1938 года, когда были выпущены расовые законы) были потенциально намного выше фактических, однако из-за запретов им не давали их раскрыть в полной мере. Тут следует пояснить одну важную деталь, выраженную формулой: если “действительное неизбежно, то насилия нет” [14, с. 169]. Сам Галтунг объясняет это высказывание следующим образом: “Ожидаемая продолжительность жизни в тридцать лет в эпоху неолита не была выражением насилия, но та же самая ожидаемая продолжительность жизни сегодня (будь то из-за войн, социальной несправедливости или того и другого) рассматривалась бы как насилие” [14, с. 169]. Так мы понимаем, что расовые законы были точно элементом структурного насилия.

По Галтунгу, физическое насилие, которое особо применяли чернорубашечники до прихода к власти Бенито Муссолини в 1922 году, – это процесс, при котором люди “страдают соматически, вплоть до убийства” [14, с. 169]. Известный французский социолог Жорж Сорель говорил, что насилие “переводит волю к действию” [18, с. 140]. Более того, Сорель в своем трактате “Размышления о насилии” говорит о разнице между “силой” и “насилием” следующее: “Сила имеет целью ввести такую социальную организацию, в которой правит меньшинство, в то время как насилие стремится к разрушению этого строя” [19, с. 92]. То есть физические насильственные действия направлены на человеческое тело, в то время как структурное насилие, подробнее о котором мы будем говорить ниже, направлено на человеческие волю и потенциал.

Само же структурное насилие, согласно Й. Галтунгу, – это медленно работающий процесс через искусственно созданные ситуации нищеты в самом широком диапазоне, который “в конечном счете, убивает человеческое существо” [20, с. 146]. Воздействия такого вида насилия осуществляются опосредованно через социальные структуры [21, с. 95]. Более того, как пишет Ж.Х. Табухова, оно может быть невидимым и зачастую “не осознается индивидами, и социальными группами, на которое оно направлено, и которые подвергаются его воздействию” [21, с. 95]. Стоит отметить, что Й. Галтунг в своем исследовании структурного насилия выделил три основные его специфические формы, которые он описал попарно: фактические-потенциальные (например, человека наказывают тогда, когда он делает то, что считает неправильным, и вознаграждают тогда, когда он делает то, что считает правильным); физические-психические (например, угроза); с объектами и без объекта (например, испытание ядерного оружия) [14, с.

167-191]. Так, исходя из вышесказанного, можно провести аналогию с фашистской Италией и заключить, что структурному насилию была подвергнута значительная часть итальянцев.

Далее нами будут приведены примеры скрытого насилия, которое фашистская Италия применяла по отношению к своим гражданам. Для этого мы проанализируем газету “Корриере делла Сера” фашистского периода, писавшую о различных нововведениях дуче.

Первый путь, который можно считать относящимся к структурному насилию, проходил через организацию “Opera Nazionale del Dopolavoro” (ОНД), что в переводе с итальянского означает “Национальная организация послетрудового досуга” (далее – “Дополаворо”), созданную в 1925 году. “Поскольку в итальянском языке не существует термина, адекватного английскому “welfare work” (“мероприятия по улучшению бытовых условий неимущих”, “благотворительность” – перевод с английского. – А.Н.), он (Марио Джигани, которому и принадлежала идея создания упомянутой организации. – А.Н.) создал неологизм “Дополаворо”, обозначающий не только время, остающееся после работы, но и способы его использования в социально значимых целях. За этим термином скрывалась модель такой организации, которая должна была стать частью производственного процесса и могла бы способствовать укреплению привязанности рабочих к предприятию” [7, с. 152]. Ее члены могли слушать радио, играть в карты и т.д. Также им предоставлялись различные льготы, такие как: скидки на билеты в театры и кино, на товары широкого потребления, на летний отдых и туризм. Таким образом, итальянским трудящимся было выгодно вступить в эту организацию, так она действительно давала им немалое количество благ. Однако тут стоит отметить, что все это проходило под знаменем фашизма. Как сказал Л.С. Белоусов: “Внедряя “Дополаворо” и пропагандируя ее деятельность как “законное право” трудящихся, режим Муссолини сумел придать этой менеджерской операции, имевшей частное происхождение, характер общественной акции, что делало ее гораздо более привлекательной в глазах рабочих. Курс на усиление социальной активности подрывал их инстинктивное недоверие к любым, идущим со стороны патроната нововведениям, затруднял осознание подлинных мотивов его действий и сокращал возможности противостояния новым, более утонченным формам зависимости от хозяев. В самом деле, можно было силой заставить рабочего записаться в фашистскую партию, но не было никакой необходимости вынуждать его посещать дешевую заводскую лавку, так как он сам шел туда для удовлетворения своих повседневных нужд” [7, с. 155-155]. Именно поэтому ОНД пользовалась большой популярностью среди итальянских рабочих, что, в свою очередь, было “ключом к понимаю места и роли “Дополаворо” в структуре общественного консенсуса” [7, с. 155].

16 февраля 1935 года была утверждена “фашистская суббота” с целью проведения массовых спортивных мероприятий и подготовки будущих воинов к предстоящей войне. Как сказал Л.С. Белоусов: “...нагнетание культа войны, приобретающее порой гротескные и истерические формы, сопровождалось усиленной военной подготовкой. Массовое освоение военных специальностей, полувоенные организации и муштра, строгие уставы и железная дисциплина, униформы и бесчисленные парады – все это было направлено на стирание границ между гражданином и солдатом, на полное их слияние” [7, с. 98]. В “фашистской субботе” должны были участвовать все граждане Италии, независимо от возраста, пола и социального положения [7, с. 105]. Муссолини хотел сделать из всех итальянцев воинов.

В газете “Корриере делла Сера” о вышеупомянутом нововведении писалось следующее: “Фашистская суббота в своем замысле и в своем социальном и политическом значении резко отличается от полупраздничной субботы в других странах, предназначенной для отдыха и отрады” [22, 12 settembre 1935]. Мы видим, что в приведенной автором цитате до итальянского народа пытались донести мысль о том, что он – особенный, что если другие нации и народы по субботам отдыхают, то итальянцы занимаются спортом и укрепляют свое физическое здоровье. Безусловно, этому придавался и националистический посыл, дабы объяснить превосходство итальянского народа над другими. “Фашистская суббота... входит в совокупность постановлений, подготовленных Режимом для политической, культурной, спортивной и, главный образом, милитаристской подготовки – то есть фашисткой” [22, 12 settembre 1935]. Стоит отметить, что в газете “Корриере делла Сера” слово “режим” было написано с большой буквы,

чтобы придать политическому устройству величественный характер, подчеркнув его долговременность, если не вечность, и однократность. Таким образом, можно сделать вывод, что фашистская пропаганда вовсе не скрывала своей главной цели – подготовить воинов для борьбы за новый порядок. Отметим, что участие в новом типе суббот не влекло за собой изменение заработной платы, хотя рабочий день сокращался. “Сокращение рабочего времени не влечет за собой уменьшения оплаты труда” [22, 12 settembre 1935].

21 апреля 753 года до н.э. – день основания Рима Ромулом. Во время правления Муссолини этому дню было придано особое, националистическо-шовинистическое значение. Так, например, в газетах писалось, что земледельцы получали выходной с целью празднования 21 апреля. “Национальная фашистская конфедерация земледельцев в честь 21 апреля (День рождения Рима и День труда) разослала крестьянам всей Италии манифест, в котором все они, их предприятия и учреждения должны уважать Национальный день труда, предоставляя служащим каждой сферы и рабочим выходной день” [22, 16 aprile 1927]. Более того, руководители тех или иных предприятий должны были следить, празднуется ли “священная дата для каждого итальянца” [22, 16 aprile 1927]. Правительство не только давало выходной 21 апреля, но еще и как бы невзначай агитировало население его справлять, призывая руководителей внимательно следить за этим. Отметим, что 21 апреля – это праздник, который многие итальянцы отмечали и задолго до прихода к власти Бенито Муссолини, поэтому он был действительно важным для них [см. 23]. Дуче лишь придал ему особый национально-идеологический оттенок, придал ему фашистский облик. В газетах появлялись статьи, в которых описывалась программа празднования 21 апреля. Так, например, полиция давала присягу именно в этот день, обязательным стало вывешивание флагов и вымпелов с итальянским триколором и т.д. [22, 20 aprile 1923]. Следует добавить, что в 1927 году были организованы специальные поезда, чтобы главы профсоюзов смогли приехать в Милан в нужное время. “Для того, чтобы все организаторы в фашистских профсоюзах прибыли в Милан вовремя для участия в шествии, были созданы чрезвычайные поезда на государственных железных дорогах” [22, 20 aprile 1927].

Рабочим тоже предоставляли возможность принимать участие в празднике [22, 19 aprile 1923]. Интересно, но в том же выпуске речь шла и о тех, кто не сможет явиться на шествия. “Приглашенные представители власти, которые не примут участие в шествии, будут встречены уполномоченными Объединением профсоюзов в высших залах Кампари” [22, 20 aprile 1927]. Отметим, что в газетах писалось не только о планировании проведения упомянутого праздника, но и о его значении. “Третий Рим появляется сейчас. Появится после войны, потому что Человек, у которого есть все, включая новый и древний дух нашего рода, выразил его в латино-итальянской гениальной концепции фашизма, он дал имя, голос и силу надежде и воле, призвал к достоинству и к юношескому порыву...” [22, 16 aprile 1927]. Безусловно, этим “Человеком” с большой буквы был никто иной, как Бенито Муссолини. Можно сказать, что 21 апреля был важнейшим праздником для итальянского фашизма, так как он объединял всех жителей Италии, независимо от их политической принадлежности: от скрытых политических взглядов (социалисты, коммунисты и т.д.) до открытых приверженцев режима Муссолини.

Выводы и заключения

Подводя итог, можно отметить, что итальянский народ повсеместно подвергался активному воздействию фашистской идеологии, которая насаждалась сверху. Структурному насилию были подвержены все жители Италии, до них доносили основные постулаты фашизма: национализм, превосходство над другими народами и милитаризм. Все это насильно прививалось итальянскому рабочему, так как не заметить всех этих вышеперечисленных вещей он не мог, это была наглядно-назойливая агитация с целью укрепления его духовной связи с официальной и “единственно правильной” идеологией или же с целью добиться от него равнодушия к режиму, но, главное, не противостояние ему. “Дуче оказался прав лишь в том, – пишет Л.С. Белоусов, – что народ был “отравлен”, но не искусством, а той нравственной атмосферой, которую создавал в стране фашистский режим. Эта атмосфера формировала людей, духовно опустошенных, лишенных представления о подлинных моральных ценностях, беспомощных

и равнодушных. Недаром А. Моравиа именно так и назвал свой первый роман, написанный в 1929 г., – “Равнодушные” (или “Gli indifferenti” по-итальянски. – А.Н.)” [7, с. 109].

Библиография

1. De Felice R. Mussolini il rivoluzionario, 1883-1920, Prefazione di Delio Cantimori, Collana Biblioteca di cultura storica, Einaudi, Torino, 1965.
2. De Felice R. Mussolini il fascista. Vol. I: La conquista del potere, 1921-1925, Collana Biblioteca di cultura storica. Einaudi, Torino, 1966.
3. De Felice R. Mussolini il fascista. Vol. II: L'organizzazione dello stato fascista, 1925-1929, Collana Biblioteca di cultura storica n.92, Einaudi, Torino, 1968.
4. De Felice R. Mussolini il duce. Vol. I: Gli anni del consenso, 1929-1936, Collana Biblioteca di cultura storica, Einaudi, Torino, 1974.
5. De Felice R. Mussolini il duce. Vol. II: Lo Stato totalitario 1936-1940, Collana Biblioteca di cultura storica, Einaudi, Torino, 1981.
6. De Felice R. Mussolini l'alleato. Vol. I. L'Italia in guerra, 1940-1943. Tomo I: Dalla guerra «breve» alla guerra lunga, Collana Biblioteca di cultura storica, Einaudi, Torino, 1990.
7. Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. – М.: Изд-во МГУ, 2000.
8. Белоусов Л.С. Муссолини: диктатура и демагогия / Л.С. Белоусов. –2-е изд. перераб. и доп. –М.: –ПЛАНЕТА, 2016.
9. Флиер А.Я. Культурные основания насилия. // Гуманитарные науки: теория и методология. 2012. № 1.
10. Борисов С.Н. Насилие – миф – религия: о механизмах локализации насилия в традиционной культуре // Наука – искусство – культура. 2012. № 1.
11. Жирар Р. Насилие и священное. – 2-е изд., испр. – Москва: Новое Лит. Обозрение, 2010.
12. Россия и идеология (опыт практического философско-хозяйственного концептуализма) / под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой, Н. П. Недзвецкой. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020.
13. Буренков А.И. Феномен политического насилия. Типология политического насилия // Экономическая психология и поведенческая экономика в условиях глобальных социальных и экономических изменений / Материалы Всероссийской научной конференции. 17-21 ноября 2014 года, Москва. – М.: Спутник +, 2014.
14. Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research, Vol. 6, No. 3 (1969).
15. Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008.
16. Арндт Х. Vita activa или О деятельной жизни / Пер. В.В. Бибихина. СПб., 2000.
17. Бибихин В.В. Мир. Томск, 1995.
18. Климов И.А. Теория социальных мифов Жоржа Сореля // Социологический журнал. 2002. № 1.
19. Сорель Ж. Размышления о насилии / Ж. Сорель; Пер. под ред. прив.-доц. Моск. ун-та В.М. Фриче. – Москва: Польза, 1907.
20. Galtung J. Twenty-five years of Peace Research: Ten Challenges and Some Responses // Journal of Peace Research. – Oslo, 1985. Vol. 22, № 2.
21. Табухова Ж.Х. Теория структурного насилия Й. Галтунга // Сборники конференций НИЦ Социсфера. 2015. № 44.
22. «Corriere della Sera».
23. Шевлякова Д.А. Идея Рима в формировании национальной идентичности итальянцев // Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2.

STRUCTURAL VIOLENCE AND ITS MANIFESTATION IN MUSSOLINI ITALY

Neretin A.I.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article deals with the problem of structural violence and its manifestations in Italy of the era of fascism. The definition of structural violence as such is given on the basis of the works of the Norwegian scientist Johan Galtung, its characteristics are described on the basis of literature, and the difference between physical violence is explained. Further, we are talking about methods and means of influencing the people of Italy with hidden violence, often imperceptible, but at the same time having a direct impact on the consciousness of Italians. The organizations and events created by the fascist government are described, the purpose of which was not only to introduce fascist principles and values into the minds of Italians, but also to demonstrate the achievements of the Duce government. The characteristics of these organizations and events are given on the basis of one of the main newspapers of Italy of the Mussolini era – Corrie re della Sera.

Key words: structural violence, violence, fascism, totalitarianism.